

С. С. Войтиков

**«Разногласие есть и вынесено в печать»:
дискуссия по военному вопросу
в советской России во второй половине
1918—начале 1919 г.**

Член большевистского Центрального комитета (далее — ЦК) и глава военного ведомства (председатель Высшего военного совета, со 2 сентября 1918 г. — Революционного военного совета Республики — РВСР), Л. Д. Троцкий прекрасно знал и даже приводил в докладе на V всероссийском съезде Советов 10 июля 1918 г. хрестоматийное определение войны К. Клаузевица: «продолжение политики, но только другими средствами»¹. Известный большевик Б. П. Позерн заявил 20 марта 1919 г.: «наша стратегия и наша тактика так переплетаются с политикой, как никогда ни у одного главного командования не переплетались»². Позерн лишь подтвердил вывод, сделанный в XIX в. авторами первых трудов по стратегии. Просто в условиях войны и политической нестабильности «переплетение» превратилось в гордиев узел, который нельзя было разрубить, однако следовало максимально ослабить. Дискуссия о месте и роли военных специалистов в Красной армии началась весной 1918 г. на VII съезде большевистской партии, однако партию в связи с этим вопросом лихорадило в течение целого года, на который, собственно, и пришлось формирование регулярных советских частей. Как и в истории любой оппозиции, атаке на партийном форуме предшествовала дискуссия в печати. В основу обсуждения военного вопроса на Восьмом съезде РКП(б) легла полемика большевиков В. Г. Сорина и А. З. Каменского с Л. Д. Троцким. Традиционно дискуссия по военному вопросу, развернувшаяся в преддверии Восьмого съезда РКП(б), сводилась в историографии к пересказу статей В. Г. Сорина и А. З. Каменского, однако из поля зрения исследователей выпала предыстория дискуссии, без которой невозможно понять

**Войтиков Сергей
Сергеевич,**
*кандидат
исторических наук,
главный специалист,
Центр публикации
архивного фонда
Центрального
государственного
архива г. Москвы
(Москва, Россия)*

суть не только военной оппозиции, но и внутрипартийной борьбы, развернувшейся в конце 1918 – начале 1919 г.

С весны 1918 г. Л. Д. Троцкий доказывал на партийных форумах необходимость постановки военных специалистов на ответственные должности в Красной армии, прекрасно зная им цену³. Если, руководя центральным аппаратом управления РККА в Москве, Троцкий не мог не видеть, как прекрасно работают старые военные специалисты, то те из большевистских вождей, кто находился на фронте, наблюдали постоянные измены бывших офицеров и прекрасные действия таких красных героев, как К. Е. Ворошилов. В документах последнего отложилась интереснейшая записка, написанная в марте 1919 г., члена большевистского ЦК И. В. Сталина, который в красном Царицыне буквально возненавидел военных специалистов: «Летом, *после покушения на Ленина*⁴ (ошибка памяти, на самом деле — до покушения. — С. В.), 1918 г. был произведен “учет” офицеров, которые были собраны в Манеж. Этим офицеров предполагалось массами расстреливать. Против расстрела выступили, между прочим, тт. [Е. М.] Ярославский, [И. Н.] Стуков, [В. В.] Осинский и др[угие], защищающие ныне тезисы [В. М.] Смирнова. За расстрел были те, кто выступает теперь за военспецов. То же предполагалось и в Питере. Таким образом, “царицынская баржа” (расстрелы военспецов Сталиным летом 1918 г. — С. В.) была последствием не борьбы с военспецами “оппозиционеров”, а результатом движения, шедшего летом 1918 г. из центра»⁵. Действительно, движение имело место, но в начале 1919 г. это движение было четко сведено в серьезную оппозицию — общей политике руководства Народного комиссариата по военным делам (Наркомвоена) и лично наркому Л. Д. Троцкому.

Курс Л. Д. Троцкого на привлечение военных специалистов и, главное, их постановку на ответственные должности в тылу и на фронте старые большевики, пусть и стиснув зубы, выдержали бы, если бы они не воспринимали политику Л. Д. Троцкого относительно военных комиссаров как террор не в отношении «буржуазии и ее наймитов», а в отношении заслуженных партийцев.

Взгляды соратника Троцкого в большевистском ЦК — председателя Всероссийского центрального исполнительного комитета (ВЦИК) и руководителя Секретариата ЦК Я. М. Свердлова были, по крайней мере, близки ко взглядам руководителя военного ведомства, о чем свидетельствует подготовленный ими совместно к заседанию ЦК или Бюро ЦК, состоявшемуся 29 июля 1918 г., проект постановления о мероприятиях по укреплению Восточного фронта, разосланный после утверждения всем партийным комитетам. Обсудив обстоятельства сдачи Симбирска и подобные факты, ЦК РКП(б) пришел к следующим выводам: «Недостаточная стойкость красноармейских частей объясняется тем, что 1) это во многих случаях молодые, наспех сколоченные и необстрелянные части; 2) красноармейским массам, вследствие крайне недостаточной агитации на местах, не всегда ясны смысл чехо-белогвардейского восстания и его грозная опасность для рабочей революции; 3) командный

состав либо недостаточно опытен, либо ненадежен; 4) партийно-советские представители и, в частности, военные комиссары обнаруживают сплошь да рядом недостаточную революционную выдержку и преданность делу революции⁶, а точнее — «недостаточную энергию, а то и прямо малодушие»⁷. Последний вопрос был признан «самым важным, прямо-таки решающим»⁸. ЦК констатировал, что «военные комиссары не умеют бдительно следить за командным составом», и привел в своем постановлении три примера: бегство к противнику командующего 2-й армией Ф. Е. Махина и командующего 3-й армией Б. П. Богословского, а также контрреволюционное выступление первого Главнокомандующего войсками Восточного фронта М. А. Муравьева. Естественно, ответственность за измены военных специалистов возлагалась «на соответственных комиссаров». ЦК подчеркивал, что «над недостаточно надежными лицами командного состава должен быть установлен непрерывный и самый бдительный контроль. За побег и измену командующего комиссары должны подвергаться самой суровой каре, вплоть до расстрела»⁹. Л. Д. Троцкий указал в проекте: «Для расследования поведения всех членов партии в связи с военными действиями на фронте учреждается партийно-следственная комиссия в составе тт. [Д. И.] Курского, [А. П.] Розенгольца и третьего товарища, который будет утвержден ЦК по предложению двух уже назначенных членов»¹⁰. Я. М. Свердлов, помимо адресата на первом листе: «Всем комитетам Российской Коммунистической партии. Циркулярно. Секретно (не для печати)»¹¹, вписал третьим членом комиссии председателя Всероссийского бюро военных комиссаров (Всебюровоенком) И. И. Юренева (К. К. Кротовского)¹². Это принципиально важный момент: принятие постановления ЦК РКП(б) легализовало развязанный Л. Д. Троцким террор в отношении «своих» (партийных) работников, находившихся на работе в армии. В принципе, если бы руководство партии придерживалось позиции, что «закон обратной силы не имеет», все последующие претензии к кадровой политике Троцкого в военном ведомстве, предъявляемые наркомом вплоть до Восьмого съезда РКП(б) (дезавуировать постановление большевистского ЦК могли только партийные съезд или конференция), можно было смело отклонять. Однако Л. Д. Троцкий ни в 1918–1919 гг., ни в своих позднейших мемуарах на решение ЦК РКП(б), принятое по его предложению, не ссылаясь, чем серьезно осложнил жизнь не только себе, но и своим сторонникам в ЦК.

Л. Д. Троцкому были нужны военные специалисты, что прекрасно понимал и Я. М. Свердлов. В № 207 «Известий ВЦИК» было опубликовано письмо бывшего гвардейского офицера Горьева, в котором автор утверждал, что тысячи офицеров «пошли бы в ряды Красной армии, отдали бы ей свое знание, свой порыв, свою жизнь» и «создали бы несокрушимые ряды свободной армии народа», если правительство скажет бывшим офицерам свое слово прощения и если всем идущим к нему честно будет дано слово, что их «не встретят грязными насмешками, свистом и плевками»¹³. В условиях массового красного террора, когда гонениям подвергались и военные специалисты, и их семьи, это был призыв к партийным и советским

работникам, крайне важный для высшего руководителя Красной армии. Однако сознание не могло измениться в одночасье.

В качестве первого оппонента Л. Д. Троцкого выступил никто иной, как член РВСР К. Х. Данишевский. В своей статье «Армия и социалистическая революция», напечатанной в № 239 тех же «Известий ВЦИК», он четко указал: над допущенными в Красную армию бывшими офицерами установлен жесткий контроль в связи с тем, что они «в большинстве своем являются врагами советской власти»¹⁴.

Призыв К. Х. Данишевского к критике военных специалистов подхватил большевик С. Шамшев, напечатавший в № 156 «Известий Наркомвоена» 5 ноября 1918 г. (впоследствии в отечественной истории — День военной разведки) статью «Красная армия и офицерский вопрос». Побудительной причиной взяться за перо для Шамшева стало письмо Горьева, которое партиец счел «не больше» чем «иронией»¹⁵. Тезис Шамшева о том, что «офицерство своим отношением к революции вселило недоверие к себе [...] пролетариата с первых же дней» после прихода большевиков к власти «и провело между собой и рабоче-крестьянской трудовой массой ту роковую грань, которая наложила на бывшее офицерство (если не на все, то на огромное его большинство) печать контрреволюции»¹⁶, вполне разделялся массой членов РКП(б). Чтобы заслужить доверие, по убеждению Шамшева, офицерству следовало перестать прикрываться, как щитом, понятиями «нейтралитет» и «лояльность» и предоставить большевикам «реальные доказательства своей преданности...»¹⁷

Статья С. Шамшева была напечатана «Неофициальным отделом» газеты с редакционным пояснением: «Стремясь возможно более широко и разносторонне обсудить все вопросы, возникающие при создании новой армии, редакция помещает и статьи, с отдельными положениями которых она не согласна»¹⁸.

Однако, и это главная ошибка всей без исключения историографии вопроса, повод критиком дало военное ведомство, опубликовавшее статью командующего фронтом Т. С. Хвесина, в которой он со свойственной многим военным партийцам (да и кадровым военным) прямотой заявил, что революционные военные советы как органы руководства «не только не полезны, но вносят дезорганизацию, мешают управлению армией, отвлекая командный состав в самое горячее время на заседания, на которых больше говорят, чем делают, и притом профаны военного дела. Есть слухи, что их упразднят; чем скорее это сделают, тем лучше, тем больше пользы для дела»¹⁹. Эти мысли, которые, правда, подавляющее большинство членов РКП(б) не могло расценить иначе как контрреволюционные, появились на страницах официального органа высшего военного руководства. Самое интересное состояло в том, что Т. С. Хвесин был членом РСДРП(б) с 1911 г., то есть старым большевиком, который имел полное право на собственное мнение в советской России. К тому же, тезисы Т. С. Хвесина ложились в контекст кадровой политики Л. Д. Троцкого в армии в плане поднятия роли военных специалистов и «приструнивания» военных комиссаров. Буря негодования военных партийцев, значительная часть которых

не имела представления о коммунистической партийности Т. С. Хвесина, не заставила себя ждать. Имел ли прямое отношение к публикации Л. Д. Троцкий? Ответ очевиден: не имел. Но не разделял ли он отдельные мысли, высказанные в статье? Партийцы не могли, читая статью Т. С. Хвесина, не задаться подобным вопросом.

Ответная статья «Командиры и комиссары в действующей армии»²⁰ с критикой военного руководства и прежде всего политики Л. Д. Троцкого²¹ появилась на страницах не ведомственного издания, а главной партийной газеты «Правда» 29 ноября. Ее автором был «левый коммунист», председатель Революционного военного трибунала Восточного фронта, член Московского комитета (далее — МК) РКП(б) В. Г. Сорин.

Владимир Сорин, во избежание упреков том, что он начитался «какой-нибудь кадетской газеты эпохи Керенского», специально сослался на соответствующий номер «Известий Наркомвоена», в которых вышла статья Тихона Хвесина, прямо говоря, ничего общего с официальной военной политикой партии не имевшая. Сопоставив заявления Хвесина с «исходящим из весьма авторитетных кругов» проектом Положения о реввоенсоветах и командующих армиями, один из пунктов которого предусматривал, что «в обстоятельствах чрезвычайных командующий армией может принимать меры собственной властью, донося об этом командующему фронтом», Сорин забил тревогу и всерьез поставил вопрос о том, что Троцкий во взаимоотношениях комиссаров и военспецов отдает приоритет последним и своими постановлениями разжигает террор не в отношении буржуазии и ее наймитов, а в отношении партийных работников, которые, в свою очередь, сами вынуждены проводить политику террора и запугивания в отношении бойцов и политработников РККА. Сорин сослался как на прецедент на дело о расстреле военного комиссара М. Пантелеева, летом 1918 г. бежавшего на Восточном фронте с позиций вместе с полком и приговоренного реввоен трибуналом к расстрелу. Троцкий, отдавая свой печально знаменитый приказ о расстреле комиссаров, наряду с командирами, за бегство вверенных им частей, мог преследовать три цели: с одной стороны, остановить бегство частей, с другой — в очередной раз продемонстрировать свое благоволение к бывшим офицерам. Во втором случае результат явно превзошел все ожидания: по заявлению Владимира Сорина, приказ наркома «буквально может терроризировать партийных товарищей»²². Исследователи В. Г. Краснов и В. О. Дайнес как единственные историки, разобравшиеся в природе ненависти военных партийцев к Л. Д. Троцкому, серьезно смягчили краски, исходя из того, что «члены реввоенсоветов армий и фронтов, не все, конечно, а наиболее амбициозные [...], еще не раз будут искать (и найдут) повод для обвинения Троцкого в пренебрежении к комиссарам и в покровительстве бывшим офицерам и генералам»²³. Притом, что даже исходя из такого тезиса, исследователи сделали вывод: «это являлось смертным грехом для революционера и коммуниста»²⁴.

Владимир Сорин был в числе свидетелей «того, как группа работников, направлявшаяся в армию через [Реввоен]совет Восточного фронта, ознакомившись с приведенным воззрени-

ем на комиссаров, полностью отказалась занимать подобную должность: все [партийцы], не задумываясь, сумели бы умереть за республику, но никто из них не пожелал получить возможности быть убитым по формальным причинам, без рассмотрения существа дела». Вполне логично делался вывод: «Ежеминутная боязнь попасть по формальным соображениям под расстрел приводит к тому, что у комиссара остается только один способ обращения со своими подчиненными: в свою очередь угроза расстрелами, запугивание их, чтобы они не подвели комиссара под пули». Получается нечто вроде «чрезвычайки навыворот, атмосфера, пропитанная слепым, а главное, ненужным страхом быть расстрелянным без всякой причины». В заключение Сорин призвал «решительно бороться против попыток заменить революционные военные советы фигурами хорошо знакомых николаевских генералов, урезать диктатуру Коммунистической партии в армии, обезличить военных коммунистов, ослабить их революционную активность»²⁵. Из последней части четко видно, что именно изменилось в постановке военного вопроса от Седьмого съезда большевистской партии к Восьмому. Если в первом случае речь шла о выборе пути военного строительства, то во втором — об установлении четкой подконтрольности армии и Троцкого, как ее главы, большевистской партии.

Собственно, со статьи «Командиры и комиссары в действующей армии» и началась официальная полемика, к которой по сути призвало руководство главной партийной газеты в своем редакционном примечании: «Оставляя на авторе статьи ответственность за точность сообщаемых им фактов и печатая статью как дискуссионную, редакция просит товарищей высказаться по затронутым в статье вопросам»²⁶. Руководство «Правды» вроде бы уклонилось от прямого присоединения к тезисам В. Г. Сорина, но, прекрасно зная о справедливости приведенных в статье аргументов, открыло широкие возможности не Л. Д. Троцкому для оправдания своей политики, а его противникам, вооруженным примерами из собственной обширной фронтовой практики, а также цитатами из статьи по недоразумению отнесенного к военспецам Т. С. Хвесина, опубликованной в ведомственных «Известиях Наркомвоена». Видимо, неким подтверждением этого можно считать последовавшую буквально на следующий день, 30 ноября, статью некоего Николая Мазанова-Анапского «К вопросу о красном офицерстве», ставшую хорошим дополнением к статье Владимира Сорина. В статье Мазанова-Анапского приводились статистические сведения о составе командных курсов, из которых следовало (и автор статьи это подчеркнул), что «на всех советских командных курсах общий процент большевиков-курсантов достигает лишь 27,7 %», остальные были «слушателями-сочувствующими». Мазанов-Анапский признал такой процент «недопустимым»²⁷. Таким образом, по итогам двух статей у читателей большевиков должно было сложиться следующее представление о кадровой политике Троцкого: разжигание террора в отношении партийцев, едва ли не упразднение в ближайшем будущем реввоенсоветов и к тому же подготовка на смену бывшим офицерам не коммунистов, а людей, чьи политических пристрастия как минимум не ясны.

Л. Д. Троцкий, вместо того чтобы сразу направить гневную телеграмму в редакцию «Известий Наркомвоена» и объяснить в специальном интервью сотруднику «Правды», что Т. С. Хвесин не военспец, а старый большевик, по всей видимости, попытался воздействовать на недовольных политработников, с тем чтобы они оставили свои мысли при себе. Председатель РВСР, к которому уже привыкли бывшие офицеры и генералы, очевидно, предпочел сделать ставку на них, а не на партийных работников. А судя по отсутствию номера 165 «Известий Наркомвоена» со статьей Т. С. Хвесина в ряде подшивок газеты, в тех случаях, когда было возможно, он был попросту изъят²⁸.

17 декабря 1918 г. В. И. Ленин всерьез озаботился вопросами партийно-политической работы в Красной армии, которой до этого не уделял столь пристальное внимание: лично принял И. И. Юренева с докладом о работе Всебюровоенкома и заявил этому стороннику Л. Д. Троцкого о необходимости принятия срочных мер для обеспечения фронта и тыла агитационной литературой, и (что было абсолютно нехарактерно для его военно-организационной деятельности) — записал сведения об организационной структуре бюро²⁹. Видимо, уже в это время вождь мировой революции всерьез задумался о необходимости коренной реорганизации этой структуры центрального аппарата управления РККА, которая, заметим, слегка забегая вперед, и была проведена в марте – мае 1919 г.

19 декабря 1918 г. на заседании Бюро ЦК РКП(б), в числе других вопросов, была обсуждена и «Политическая работа на фронте». Поскольку предполагалось «создание политических ячеек на фронте», Бюро ЦК поручило комиссии в составе Я. М. Свердлова, И. В. Сталина, И. Н. Смирнова и И. И. Юренева «немедленно рассмотреть и утвердить инструкцию, выработанную на совещании работников политотдела Южного фронта совместно с Всебюровоенком[ом]»³⁰.

25 декабря в «Правде» вышла статья члена ВЦИК А. З. Каменского с резкой критикой политики высшего военного руководства³¹. В историографии высказано предположение, что это — свидетельство о поддержке критиков Л. Д. Троцкого со стороны главного редактора этой газеты Н. И. Бухарина³².

Л. Д. Троцкий немедленно апеллировал в ЦК РКП(б), надеясь на поддержку Я. М. Свердлова и несколько преуменьшая свою роль в репрессиях партийцев на фронте, с оговоркой: «расстрелы имели место, однако в значительном числе случаев, когда в числе комиссаров оказывались бандиты, пьяницы, предатели и прочее»³³. Троцкий просил ЦК РКП(б): «1) заявить во всеобщее сведение о том, является ли политика военного ведомства моей личной политикой, политикой какой-либо группы, или же политикой нашей партии в целом; 2) установить перед лицом общественного мнения всей партии те основания, какие имел тов. Каменский для утверждения о расстреле лучших товарищей без суда; 3) указать редакции центрального органа на полную недопустимость печатания статей, которые заключают в себе не критику общей политики ведомства или хотя бы партии, а прямые тягчайшие обви-

нения в действиях самого тягчайшего свойства (расстрел лучших товарищей без суда) без предварительного запроса в партийных учреждениях об основательности этих обвинений, ибо ясно, что если бы обвинения были сколько-нибудь основательны, то дело не могло бы ограничиться партийной полемикой, а должно было стать предметом судебного-партийного разбирательства»³⁴.

Я. М. Свердлов попытался защитить соратника. Он отреагировал 25 декабря 1918 г. постановлением ЦК РКП(б), опубликованным на следующий день в «Правде», в котором подчеркивалось: политика военного ведомства — не «продукт личных воззрений отдельных товарищей или отдельной группы», она «ведется на точном основании общих директив, даваемых партией в лице ее ЦК и под его непосредственным контролем». «Тот факт, что ответственность за политику военного ведомства в целом несет партия, — пояснял ее ЦК, — не лишает, разумеется, отдельных членов партии права подвергать эту политику принципиальной или чисто деловой критике. Но Центральный комитет считает безусловно недопустимым как со стороны отдельных товарищей, так и со стороны органов печати вводить в заблуждение общественное мнение партии и широких общественных кругов, изображая политику военного ведомства как случайную политику отдельных лиц и групп...»³⁵ Как известно, в протоколах заседаний ЦК РКП(б) в годы гражданской войны не указаны выступления в прениях и зачастую отсутствуют пометы о ходе голосования. О принятии данной резолюции 5 марта 1919 г. высказался лично Я. М. Свердлов — перед украинскими партийцами, настроенными, кстати сказать, весьма радикально. По словам Свердлова, «когда в ЦК ставился вопрос об отношении к статье Каменского, где затрагивался основной центральный вопрос, никаких разногласий не было. Постановление ЦК было принято единогласно»³⁶. Впрочем, протокола заседания ЦК РКП(б) в распоряжении исследователей нет³⁷, посему подтвердить или опровергнуть логичный вывод из утверждения Я. М. Свердлова — о том, что обсуждение вопроса вообще имело место, невозможно.

Однако в документах Секретариата отложился черновой экземпляр письма ЦК РКП(б) «В ред[акцию] “Правды”» с собственноручной правкой Я. М. Свердлова, что само по себе — большая редкость. Первоначально на машинке было отпечатано: «Центральный комитет обращает внимание редакции “Правды” на совершенно неслыханную по содержанию и тону статью т. А. Каменского, в которой заключаются тягчайшие обвинения против военного ведомства (вроде наделения широкими правами “николаевских контрреволюционеров”, с одной стороны, и расстрела лучших партийных работников — с другой). Помещение этой статьи Центральный комитет может объяснить только недосмотром редакции и *надеется, что подобные недосмотры не будут иметь места в дальнейшем*». Выделенный нами курсивом фрагмент предложения Я. М. Свердлова зачеркнул и дописал вместо него: «предлагает впредь внимательно относиться к материалу, помещаемому в Ц[ентральном] о[ргане]. ЦК»³⁸. Получив выговор, главная партийная газета вообще прекратила печатание статей

с критикой в адрес председателя Реввоенсовета Республики, присылаемых военными партийцами. С одной стороны, это должно было позитивно сказаться на представлениях о единстве партии в большевистских массах. Но с другой — впоследствии, уже непосредственно на Восьмом съезде РКП(б), противники Троцкого буквально заголосили: «у нас страницы печати закрыты для военного обсуждения»; «моя статья была задержана Подвойским»; «за статью Каменского [...] был выговор» и т. п.³⁹ Совершенно очевидно, что за какофонией фронтовых делегатов скрывалось давнее желание высказаться, которое по итогам реакции верхов на статью А. З. Каменского не могло быть реализовано до съезда.

31 декабря Л. Д. Троцкий, наконец, лично попытался отстоять свои позиции в военном ведомстве и во власти в партийной печати (за день до этого, 30 декабря, сделал «Необходимое заявление о бывших офицерах»⁴⁰, не получившее широкую известность). Дал интервью «Военные специалисты и Красная армия», в котором ответил на основной выпад в свой адрес — о постановке военспецов на ответственные должности в армии⁴¹. Троцкий предлагал взглянуть на Октябрьскую революцию глазами военных специалистов, что было прекрасным полемическим ходом: «У нас на службе состоят сейчас тысячи бывших кадровых офицеров. Эти люди пережили идейную катастрофу. Многие из них, по собственным их словам, еще два года тому назад считали [А. И.] Гучкова (военный и морской министр Временного правительства весной 1917 г. — С. В.) крайним революционером, большевики относились для них к области четвертого измерения. Они пассивно верили сплетням, клевете и травле продажной и бесчестной буржуазной печати. За 13 месяцев советского режима они увидели нас, коммунистов, на работе с нашими сильными и с нашими слабыми сторонами. Поистине мы были бы слишком низкого мнения о себе и нашей партии, о нравственном могуществе нашей идеи, о притягательной силе нашей революционной морали, если бы мы думали, что неспособны притянуть к себе тысячи и тысячи специалистов, в том числе и военных»⁴². После актов массового красного террора и регистрации военных специалистов это было весьма сомнительное заявление, но зато подкрепленное ссылками на заявления В. И. Ленина об «интеллигентском самомнении и о грубом тупоумии»⁴³, которые Л. Д. Троцкий интерпретировал как обещание «справиться со всем собственными домашними средствами»⁴⁴ (то есть с военной интервенцией классовой армией). Вообще, статья произвела сильное впечатление, хотя вместо раздувания дискуссии председателю РВСР, видимо, стоило попытаться остудить горячие головы, а не оскорблять А. З. Каменского сравнением с Ляпкиным-Тяпкиным⁴⁵ и традиционным для Л. Д. Троцкого навешиванием ярлыков, пусть даже и с единичными ссылками на В. И. Ленина⁴⁶.

10 января Л. Д. Троцкий выпустил в своей поездной газете «В пути» агитационный материал, составленный в форме письма другу⁴⁷. В сборнике речей Троцкого «Как вооружалась революция» материал назывался «По науке или кое-как»⁴⁸. О военной оппозиции председатель РВСР заявил, что она «...питается настроениями ограниченного, завистливого

и самодовольного и в то же время неуверенного в себе мещански-бюрократического консерватизма...»⁴⁹. По словам Троцкого, в «наиболее обделенных уголках нашей Советской республики [...] особенно процветало [...] “недоверие” к военным специалистам»⁵⁰. «В одной из наших армий до недавнего времени считалось признаком высшей революционности довольно-таки мелкотравчатое и глуповатое глумление над “военспецами”, т. е. над всяким, кто прошел военную школу»⁵¹, — написал председатель РВСР, прекрасно осознавая: любой партиец, регулярно читавший газету «Правда», знал, что речь шла о 10-й армии. «— Кто же сеял эту вражду? — Худшая часть новых командиров. Военные полужайки, полупартизаны, полупартийные люди, которые не хотели терпеть рядом с собой ни партийных работников, ни серьезных работников военного дела. Это худший тип командиров. Они невежественны, но не хотят учиться. Своим неудачам — а откуда быть у них удачам? — они всегда ищут объяснения в чужой измене. Они жалко робеют перед всякой переменной настроений в своей части, ибо лишены серьезного нравственного и боевого авторитета (это — клевета на Ворошилова сотоварищи. — С. В.). Когда часть, не чувствующая твердого руководителя, отказывается наступать, они прячутся за ее спиной. Цепко держась за свои посты, они с ненавистью относятся к самому упоминанию о военной науке»⁵². Естественно, Троцкий был бы не Троцкий, если бы обошелся без оскорблений, но, видимо, поэтому статья была опубликована «Правдой» только месяц спустя, о чем речь впереди.

Уральский областной комитет РКП(б) как один из традиционных рассадников партийного мятежа по сути выступил против своего собственного серого кардинала (Я. М. Свердлов), приняв решение отстаивать свои убеждения через партийную печать. И тут уж никакое постановление ЦК РКП(б) от 25 декабря 1918 г. не могло оградить Л. Д. Троцкого и высшее военное руководство от выхода очередной критической статьи в главной партийной газете. 1 февраля 1919 г. «Правда» напечатала статью левого коммуниста Е. А. Преображенского о необходимости дискуссии по ряду важнейших вопросов, в том числе «О Красной армии». В ней сразу было четко обозначено, что дискуссия уже была «открыта полемикой т. Троцкого с т. Каменским и его единомышленниками» и Уральским обкомом партии. По оценке М. А. Молодцыгина, «в документе было немало правды, ценных рекомендаций и наряду с этим переоценки возможностей местных парторганизаций, стремления к расширению и укреплению большевистской диктатуры, недооценки профессионального подхода к военным вопросам»⁵³.

9 февраля Л. Д. Троцкий опубликовал свое «Письмо к другу» на страницах «Правды». Естественно, в отличие от материалов поездной газеты, с этой публикацией ознакомились самые широкие слои партийцев. Ответ последовал очень быстро: 16 февраля на страницах того же издания Е. А. Преображенский обвинил Л. Д. Троцкого в попытке «отмахнуться» от проблем, связанных с привлечением бывших офицеров в Красную армию, назвав их уже якобы решенными жизнью⁵⁴. Интересно, что глагол «отмахнуться» широко использовали как

сторонники политики военного ведомства, так и ее противники. 31 декабря это слово употребил в отношении Каменского Троцкий («Член ЦИК Каменский» [намеренное оскорбление. — С. В.] в нашем центральном органе не просто отмахивается от военных специалистов, он доводит свою мысль до конца и, по существу дела, отрицает военную специальность, т[о] е[сть] военную науку и военное искусство»⁵⁵), 16 февраля — в отношении Л. Д. Троцкого Е. А. Преображенский. Парадоксально, но почти сразу после начала дискуссии обе стороны совершенно забыли, что начиналось все с негативной оценки революционных военных советов как коллегиальных органов, данной старым большевиком Т. С. Хвесиным.

24 февраля Л. Д. Троцкий выступил с докладом «На фронтах» в Колонном зале Дома Союзов в Москве. Все было бы хорошо, если бы не опоздание докладчика, который после извинений сразу перешел к необходимости «точно[го] исполн[ения] приказа» и «уважительного отношения ко времени»⁵⁶. Естественно, «виновник» опоздания был «пока не установлен»⁵⁷. Партийная аудитория встретила докладчика с большим воодушевлением, поскольку председатель РВСР воздержался от навешивания ярлыков на своих оппонентов и спокойно разъяснял собравшимся положение на фронтах. Дойдя до Южного, он ни словом не обмолвился об имевших место конфликтах в верхах, отметив лишь, что красноармейские части, действовавшие против Краснова, были «достаточно сильны численно, но не централизованы»⁵⁸, в отличие от противника, а потому «потребовалась энергичная организационная и агитационная работа для противодействия тайным провокаторам и прохвостам, которые стремились затесаться в армию, чтобы подорвать изнутри ее дух, разложить ее, сделать ее бессильной, а с другой стороны, для противодействия навыкам партизанства: стремлению работать только по собственной воле, не желая считаться с общей оперативной потребностью данной армии или всего фронта»⁵⁹.

Я. М. Свердлов как мог (и в официальных выступлениях, и в переписке) поддержал Л. Д. Троцкого. Так, 13 февраля он осторожно написал «дорогому Артему», который вел на Украине совсем не ту агитацию, что было нужно: «Пишу только тебе [...]. Не следует [...] вести кампанию за новую военную политику в массе. Пусть это не выходит за пределы партийных, строго партийных кругов»⁶⁰. Видимо, Ф. А. Артем (Сергеев) неоднократно подумал, прежде чем продолжить духовное окормление вверенных ему украинских партийных душ.

16 февраля впервые «носом к носу» (по Т. Л. Щепкиной-Куперник) столкнулся с военной оппозицией основатель большевистской партии В. И. Ленин. Утром он прочел отправленную ему накануне копию телеграммы члена Реввоенсовета 5-й армии В. М. Смирнова, адресованную в подлиннике заместителю Троцкого Э. М. Складанскому. В. М. Смирнов, один из будущих лидеров военной оппозиции, телеграфировал, что Реввоенсовет, рассмотрев утвержденные ВЦИК 29 ноября 1918 г. Уставы внутренней и гарнизонной службы, «поставил воздержаться от распространения этих уставов ввиду того, что они совершенно не соответствуют основным принципам организации [Красной] армии и распространение их

способно вызвать волнение в войсках»⁶¹. В. И. Ленин не отказал себе в удовольствии вместо ответа старым большевикам из РВС 5-й армии направить телеграмму «Свердлову» с вопросом: «что есть сие?»⁶². Председатель ВЦИК немедленно направил запрос в ведомство Л. Д. Троцкого и, получив разъяснение из Административно-учетного управления Полевого штаба, не нашел ничего лучшего, как наложить резолюцию: «[Устав] Подлежит безусловно оглашению»⁶³. Видимо, Я. М. Свердлов получил ответ вполне удовлетворил, а напрасно: для старых большевиков отдельные пункты обоих уставов были совершенно неприемлемы. В довершение всех бед на составление ответа главе Советского государства (!) понадобилось целых восемь дней⁶⁴, поэтому Свердлов не мог списать подтверждение введения устава в 5-й армии на излишнюю спешку военного ведомства.

18 февраля Московская общегородская конференция РКП(б) затронула военный вопрос лишь в общих чертах. В «Резолюции о конструкции ЦК партии» конференция предложила Восьмому съезду в рамках «укрепления влияния партии на красноармейские массы и для контроля» над работой «по обслуживанию Красной армии» только наладить «регулярные посещения членами ЦК всех фронтов Республики», причем специально оговаривалось, что члены ЦК «не должны ограничиваться пребыванием» в штабах⁶⁵.

20 февраля на общем собрании коммунистов Рогожского района Москвы «относительно военной политики» Я. М. Свердлов констатировал, как сообщается в кратком газетном отчете о собрании, существование двух точек зрения: «использовать военных специалистов и военных техников, созданных в капиталистическом хозяйстве; отбросить специалистов и ограничиться в военном деле только услугами вполне сочувствующих нам (большевикам. — С. В.) лиц». Поскольку в настолько упрощенном варианте проблемы в принципе и не было, Свердлов делал из этого логичный вывод, что «ЦК партии стоит на первой точке зрения»⁶⁶. О том, что, несмотря на публикацию от 25 декабря 1918 г., в ЦК РКП(б) единое мнение, по сути, отсутствовало, великий партийный режиссер умолчал. Вероятно, он не хотел продемонстрировать, что в высшем партийном органе отсутствует единство во взглядах на военный вопрос.

Если Московская общегородская конференция РКП(б), состоявшаяся 18 февраля, была занята более важными вопросами партийного и государственного строительства и поэтому не уделила специальное внимание строительству военному, МК РКП(б) в оставшееся до Восьмого съезда РКП(б) время изыскал возможность специально остановиться на военном вопросе. 22 февраля МК, на заседании которого присутствовали и отдельные представители вчерашней левокоммунистической оппозиции (к примеру, В. Н. Соколов), принял следующее решение «О нашей⁶⁷ военной политике и военном положении», предназначенное (что было особо ценно) для оглашения на съезде: «Констатируя, что военная политика, проводимая Революционно-военным советом Республики по директивам и под контролем ЦК РКП, выразившаяся в главных своих пунктах: 1) в объявлении принудительной воинской повинности для всех рабочих, а также для крестьян, не эксплуатирующих наемного труда; 2) в широком

и умелом использовании знаний и сил специалистов всех отраслей воинского дела; 3) в создании в Красной армии института военных комиссаров (институт этот был создан еще при Временном правительстве. — С. В.); 4) в энергичной подготовке красного командного состава путем организации инструкторских курсов и академии Генштаба; 5) в массовой партийной мобилизации для нужд фронта — шла в общем и целом по правильному пути и что результатом ее явилось создание крепкой, боеспособной Красной армии — единственной в мире красной армии, отстаивающей интересы рабочих и крестьян и защищающей принципы социализма не только силою своих штыков и революционной дисциплины, но и сознанием своего долга передового социалистического отряда, возвратившей власти рабочих и крестьян ряд областей, захваченных разбойничьими бандами англо-германо-французских империалистов, — [МК] РКП в целях скорейшего создания непобедимой Красной армии, насквозь проникнутой духом революционного коммунизма и крепкой внутренней спайкой, взаимным доверием красноармейцев и командиров — признает необходимым: 1) усиление партийной коммунистической работы в Красной армии (как в тылу, так и на фронте), для чего необходимо более рациональное распределение и использование сил работающих в ней коммунистов, 2) спешную организацию новых и новых курсов по подготовке корпуса красных командиров и 3) всемерное замещение “специалистов” во всех отраслях военной работы — соответственно подготовленными коммунистами»⁶⁸. С одной стороны, была одержана серьезная победа: столичная власть, представлявшая собой давний, с ногинских протестов Октября 1917 г., оплот партийной ереси, признала политику военного ведомства в целом верной и в своей резолюции ни словом не затронула ни РВСР, ни его председателя Л. Д. Троцкого. С другой — МК партии, вроде бы предоставив ЦК широкое поле для кадровых перестановок, предложил по сути перечеркнуть всю деятельность высшего военного руководства по привлечению бывших офицеров. Серьезные основания для оптимизма Л. Д. Троцкому и его команде давал тот факт, что эта, прямо говоря, не худшая возможная резолюция московских партийцев была принята в отсутствие на заседании МК Я. М. Свердлова.

5 марта Я. М. Свердлов, находившийся в это время в Харькове, разъяснил не в меру возбужденным украинским партийцам, что разногласия по вопросу о военной политике существуют и были вынесены в печать в статьях В. Г. Сорина и А. З. Каменского, однако «в ЦК по вопросу о военной политике никаких разногласий нет»: «есть [лишь] отдельные оттенки, и только оттенки»⁶⁹. Как видим, если москвичей (в случае соответствия «краткого газетного отчета» реальной речи руководителя Секретариата ЦК) Я. М. Свердлов по сути убеждал в отсутствии в ЦК разногласий по военному вопросу как таковых, с украинцами в пылу полемики он оказался менее осторожен. В любом случае «оттенки» внутри ЦК не могли не влиять на позиции, по крайней мере, части армейских делегатов, достаточно критически настроенных по отношению к Л. Д. Троцкому как к человеку, по хлесткому выражению И. В. Сталина, «вчера только» вступившему в большевистскую партию.

Проект постановления, с которого начался террор в отношении дрогнувших большевиков на фронте, был предложен большевистскому ЦК Троцким и отредактирован Свердловым, однако об этом документе, видимо, быстро и прочно забыли оба его автора. Вопрос о вреде революционных военных советов как коллегиальных органов был поставлен в статье не военного специалиста, а Т. С. Хвесина — старого большевика, которого по определению не стали редактировать в ведомственной военной газете. Л. Д. Троцкий несвоевременно промолчал, чем вызвал негодование партийцев, не узнавших в большинстве своем из публикации, что Т. С. Хвесин не имел никакого отношения к бывшим офицерам. Результат ясен: Л. Д. Троцкому не могли не припомнить террор в отношении партийцев на Восьмом съезде РКП(б) в 1919 г.

---

¹ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция: Т. 1. М., 1923. С. 304.

² Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 160.

³ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция. Т. 1. С. 145.

⁴ Выделенные курсивом слова вписаны над строкой.

⁵ Российский государственный архив социально-политической истории (далее — РГАСПИ). Ф. 74. Оп. 2. Д. 38. Л. 128–129.

⁶ Известия ЦК КПСС. 1989. № 7. С. 149–150.

⁷ Там же. С. 150.

⁸ Там же.

⁹ Там же.

¹⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 4. Д. 1. Л. 28.

¹¹ Там же. Л. 26.

¹² Там же. Л. 28.

¹³ Известия ВЦИК. 1918. № 207 (471).

¹⁴ Известия ВЦИК. 1918. № 239 (503).

¹⁵ Шамшев С. Красная армия и офицерский вопрос // Известия Наркомвоена. 1918. № 156.

¹⁶ Там же.

¹⁷ Там же.

¹⁸ Неофициальный отдел // Там же. № 156.

¹⁹ Известия Наркомвоена. 1918. № 165.

²⁰ Правда. 1918. № 259.

²¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 180.

²² Правда. 1918. № 259.

²³ Краснов В. Г., Дайнес В. О. Неизвестный Троцкий. М., 2000. С. 71.

²⁴ Там же. С. 71.

²⁵ Правда. 1918. № 259.

²⁶ Там же.

²⁷ Там же. 1918. № 260.

²⁸ Так, именно № 165 отсутствует в подшивке газет РГБ за октябрь–декабрь 1918 г.

- ²⁹ См.: Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. М., 1975. С. 321.
- ³⁰ РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 7. Л. 1 об.
- ³¹ См.: Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 180.
- ³² См.: Емельянов Ю. В. Троцкий: Мифы и личность. М., 2003.
- ³³ См. подр.: Trotsky's papers. Vol. 1. 1917–1919. London; Paris, 1964. P. 204 etc.
- ³⁴ Ibid. P. 204–208.
- ³⁵ Правда. 1918. № 282; Известия ЦК КПСС. 1989. № 6. С. 171.
- ³⁶ Свердлов Я. М. Избр. произведения. Т. 3. М., 1960. С. 190.
- ³⁷ См.: РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 2. Д. 7. Л. 5, 6; Д. 8. Л. 1.
- ³⁸ Там же. Ф. 17. Оп. 4. Д. 6. Л. 157.
- ³⁹ Известия ЦК КПСС. 1989. № 9. С. 140.
- ⁴⁰ См.: Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция: Т. 1. С. 152–153.
- ⁴¹ Там же. С. 156.
- ⁴² Там же. С. 160.
- ⁴³ Там же. С. 161.
- ⁴⁴ Там же.
- ⁴⁵ Там же. С. 159.
- ⁴⁶ См.: Там же. С. 161.
- ⁴⁷ В пути. 1919. 10 янв.
- ⁴⁸ См.: Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция: Т. 1. С. 169–173.
- ⁴⁹ Там же. С. 172.
- ⁵⁰ Там же.
- ⁵¹ Там же.
- ⁵² Там же. С. 172–173.
- ⁵³ Молодцыгин М. А. Красная армия. М., 1997. С. 151–152.
- ⁵⁴ Е. А. Преображенский: Архивные документы и материалы. М., 2006. С. 286.
- ⁵⁵ Троцкий Л. Д. Как вооружалась революция: Т. 1. С. 156.
- ⁵⁶ Там же. Т. 2. Кн. 1. С. 14.
- ⁵⁷ Там же.
- ⁵⁸ Там же. С. 25.
- ⁵⁹ Там же.
- ⁶⁰ Свердлов Я. М. Избр. произведения. Т. 3. С. 171.
- ⁶¹ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25506. Л. 1.
- ⁶² Владимир Ильич Ленин. Биографическая хроника. Т. 6. С. 523.
- ⁶³ РГАСПИ. Ф. 2. Оп. 1. Д. 25506. Л. 1 об.
- ⁶⁴ Об этом свидетельствует помета на документе начальника Административно-учетного управления В. В. Даллера (Там же. Л. 1).
- ⁶⁵ Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 3. Оп. 1. Д. 99. Л. 5.
- ⁶⁶ Свердлов Я. М. Избр. произведения. Т. 3. С. 174, 175.
- ⁶⁷ Так в тексте. Правильно — наших.
- ⁶⁸ Центральный архив общественно-политической истории Москвы. Ф. 3. Оп. 1. Д. 100. Л. 33 об.–34.
- ⁶⁹ Свердлов Я. М. Избр. произведения. Т. 3. С. 190.

УДК 94(470)

Войтиков С. С. «Разногласие есть и вынесено в печать»: дискуссия по военному вопросу в советской России во второй половине 1918 – начале 1919 г. // Новейшая история России. 2014. № 2 (10). С. 8–24.

АННОТАЦИЯ: В статье на основе опубликованных и неопубликованных источников рассматривается дискуссия по военному вопросу в преддверии Восьмого съезда РКП(б) (1919 г.) сквозь призму «террора» Л. Д. Троцкого в отношении партийных работников. Вне поля зрения историков оказался первый этап дискуссии, ее предыстория, без которой невозможно понять суть не только военной оппозиции, но и внутрипартийной борьбы, развернувшейся во второй половине 1918 – начале 1919 г. Летом 1918 г. начался конфликт двух партийных группировок в Красной армии, которые объективно выражали взгляды, с одной стороны, военных специалистов из центрального аппарата управления РККА, с другой — рубак-большевиков, которые прекрасно обходились без бывших офицеров. Во главе первой из этих группировок встал глава военного ведомства Л. Д. Троцкий, второй — царьинский проконсул, И. В. Сталин, первого поддержал председатель ВЦИК Я. М. Свердлов, второго со временем — вождь мировой революции, глава советского правительства В. И. Ленин (все четверо — члены и лидеры большевистского ЦК). 29 июля 1918 г., по предложению Л. Д. Троцкого и Я. М. Свердлова, ЦК РКП(б) утвердил проект постановления о мероприятиях по укреплению Восточного фронта, которое положило начало расстрелам дрогнувших большевиков. Постановление ЦК старые партийцы восприняли не иначе как террор в их отношении. Об этом документе, впрочем, быстро и прочно забыли оба его автора, что серьезно осложнило и без того слабые позиции в большевистской партии Л. Д. Троцкого. Вопрос о вреде революционного начала в армии был поставлен в статье старого большевика Т. С. Хвесина, которого по определению не стали редактировать в ведомственной военной газете. Л. Д. Троцкий несвоевременно промолчал, чем вызвал негодование товарищей по партии. Результат ясен: главе военного ведомства не могли не припомнить террор в отношении партийцев на Восьмом съезде РКП(б).

КЛЮЧЕВЫЕ СЛОВА: Восьмой съезд РКП(б), В. И. Ленин, Я. М. Свердлов, Л. Д. Троцкий, И. В. Сталин, дискуссия по военному вопросу.

СВЕДЕНИЯ ОБ АВТОРЕ: кандидат исторических наук, главный специалист, Центр публикации архивного фонда Центрального государственного архива г. Москвы (Москва, Россия); svoyt@mail.ru

---

Voytikov S. S. "There is a Disagreement and it has found expression in the Press ": Discussion of the Military Question in Soviet Russia in the second half of 1918 – the beginning of 1919

ABSTRACT: This article is based on published and unpublished sources and considers the debate on the military question in the run up to the Eighth Congress of the Russian Communist Party (Bolsheviks) (RCP (b)) (1919) through the prism of L. D. Trotsky's "terror" against Bolsheviks. The first stage of the debate has received little attention from historians, although it is crucial to understanding the essence not only of the "military opposition", but also the internal party struggle in the second half of 1918 – beginning of 1919. In the summer of 1918 a conflict started between two party factions in the Red Army: military experts from the the Red Army's central administration and "Slayers-Bolsheviks" who felt the army did not need former officers. At the head of the first of these groups stood defense minister, L. D. Trotsky, at the head of the second – Tsaritsyn proconsul, I. V. Stalin. The first was supported by the chairman of VtsIK Y. M. Sverdlov, the second was eventually supported by the leader of the world revolution, the head of the Soviet government,

---

V. I. Lenin (all four of the above were members and leaders of the Bolshevik Central Committee). On 29 July 1918 at the suggestion of Trotsky and Sverdlov the Bolshevik Central Committee approved a draft decree on measures to strengthen the Eastern Front, which marked the beginning of executions for faltering Bolsheviks. However this document was quickly and firmly forgotten by both its authors. This circumstance further undermined Trotsky's diminishing position in the Bolshevik Party. Concerns about undermining the revolutionary gains made by the army since the revolution were brought up in the article of the old Bolshevik T. S. Hvesin. L. D. Trotsky was untimely silent. The result is obvious: the head of the military department had to defend his position at the Eighth Congress of the RCP(b).

KEYWORDS: Eighth congress of RCP(b), V. I. Lenin, Ya. M. Sverdlov, L. D. Trotsky, I. V. Stalin, discussion on a military question.

AUTHOR: Candidate of History, Senior Specialist, Moscow Central State Archive (Moscow, Russia); svoyt@mail.ru

REFERENCES:

- ¹ Trotckii L. D. *Kak vooruzhalas revoliutciia*. Vol. 1 (Moscow, 1923).
- ² Shamshev S. 'Krasnaia armiiia i ofitcerskii vopros', *Izvestiia Narkomvoena*, no. 156 (1918).
- ³ Krasnov V. G., Daines V. O. *Neizvestnyi Trotckii* (Moscow, 2000).
- ⁴ *Vladimir Ilich Lenin. Biograficheskaia khronika*. Vol. 6 (Moscow, 1975).
- ⁵ Emelianov Yu. V. *Trotckii: Mify i lichnost* (Moscow, 2003).
- ⁶ *Trotsky's papers*. Vol. 1. 1917–1919 (London-Paris, 1964).
- ⁷ Sverdlov Ya. M. *Izbr. proizvedeniia*. Vol. 3 (Moscow, 1960).
- ⁸ Molodtcygin M. A. *Krasnaia armiiia* (Moscow, 1997).
- ⁹ E. A. *Preobrazhenskii: Arkhivnye dokumenty i materialy* (Moscow, 2006).